

Он больше не пытался вернуть ее.
Она возвращалась сама, когда ей того хотелось? — в снах, видениях и мимолетных дежавю.

Скажем, он ехал на работу — и замечал рыжеволосую девушку на углу. И на один краткий невероятный миг мог поклясться, что это она.

...А потом видел, что девушка не рыжая, а блондинка. С сигаретой в руке и в футболке с «Sex Pistols».

Элеанора ненавидела «Sex Pistols».

Элеанора...

Она стояла у него за спиной — пока он не оборачивался. Лежала рядом с ним — до той минуты, когда он просыпался. В сравнении с ней кто угодно казался блеклым, унылым, недостаточно совершенным.

Элеанора ушла.

И он больше не пытался вернуть ее.

АВГУСТ
1986

ПАРК

«ХТС» были не настолько громкими, чтобы заглушить придурков на заднем сиденье автобуса.

Парк зачихнул наушники поглубже в уши.

Завтра он возьмет «Skinny Puppy» или «Misfits»¹.

Или, может быть, соорудит специальную запись для автобуса — чтобы было побольше криков и воплей.

А «новую волну» будет слушать в ноябре, когда получит права. Родители уже пообещали, что разрешат Парку брать мамину «импалу», и он копил записи для нового плей-листа. Когда едешь в школу на машине, можно слушать что захочешь. Или вообще ничего. И вставить на двадцать минут позже.

— Не бывает такого! — крикнул кто-то у него за спиной.

— Еще как бывает! — заорал в ответ Стив. — Стиль пьяной обезьяны, чувак, — это реально охрененная вещь. Можно вообще убить.

— Да ты гонишь.

— Завали пасть, — сказал Стив. — Парк! Эй, Парк.

¹ «ХТС», «Skinny Puppy», «Misfits» — американские рок-группы, популярные в 1980-х годах. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Парк слышал его, но не ответил. Если игнорировать Стива пару минут, есть шанс, что он переключится на кого-нибудь другого. Осознание этого факта — восемьдесят процентов выживания, если Стив — твой сосед. Остальные двадцать — просто опустить голову и не отвечать.

Об этом, впрочем, тут же пришлось забыть: комок смятой бумаги шмякнул Парка по затылку.

— Это была моя домашка по анатомии и физиологии, мутила, — буркнула Тина.

— Прости, крошка. Я всему тебя научу в плане анатомии и физиологии. Что ты хочешь знать?

— Научи ее стилю пьяной обезьяны, — сказал кто-то.

— Парк!!! — взвыл Стив.

Парк вынул наушники и повернулся к задним сиденьям. Там царствовал Стив. Даже сидя, он едва не задевал головой потолок. Мебель рядом со Стивом всегда казалась кукольной. Он выглядел как взрослый класса с седьмого — и это было еще до того, как он отрастил нормальную бороду. Незадолго до того.

Временами Парк задумывался: не потому ли Стив выбрал Тину, что рядом с ней он смотрелся еще чудовищнее. Большинство девушек с равнин Огайо были невысоки, а в Тине едва набралось бы пять футов роста — вместе с пышной прической. Как-то в средней школе один парень прикалывался над Стивом, говоря: как бы Тине от него не залететь. Его гигантские дети ее порвут. Полезут из живота, как Чужие, сказал парень. Стив сломал мизинец о его рожу.

Когда об этом услышал отец Парка, он сказал: «Кто-нибудь должен научить мальчишку Мерфи пользоваться кулаками».

Парк надеялся, что никто этого не сделает. Парень, которого ударил Стив, неделю не мог толком открыть глаза.

Парк бросил Тине ее помятую домашку. Она поймала.

— Парк, — сказал Стив, — расскажи Майки о стиле пьяной обезьяны в карате.

— Я не особо в курсе. — Парк пожал плечами.

— Но он существует?

— Вроде бы слышал что-то такое.

— Вот! — сказал Стив. Он поискал, что бы кинуть в Майки, но не нашел ничего подходящего и просто ткнул его пальцем. — Я тебе говорил, ё-моё.

— Да блин, че этот Шеридан может знать о кунг-фу? — фыркнул Майки.

— Совсем тормоз? — сказал Стив. — У него мать китаянка.

Майки придирчиво осмотрел Парка. Тот улыбнулся и сощурил глаза.

— Да, вроде заметно, — вынес суждение Майки. — Я всегда думал, ты мексиканец.

— Блин, Майки, — сказал Стив, — ты долбаный расист.

— Она не китаянка, а корейка, — вставила Тина.

— Кто?

— Мать Парка.

Мама Парка подстригала Тину с начальной школы. У них были одинаковые прически — длинные волосы со спиральной завивкой и скошенной челкой.

— Она охренительная, между прочим, — сказал Стив и заржал. — Без обид, Парк.

Парк выдавил еще одну улыбку и откинулся на спинку сиденья, снова воткнув в уши наушники и вы-

крутив громкость до отказа. И все же слышал трепотню Стива и Майки, сидевших в четырех рядах от него.

— Но какой, блин, в этом смысл? — спросил Майки.

— Чувак, ты хочешь драться как пьяный орангутанг? Они охренеть какие здоровенные. Видел «Как ни крути — проиграешь»?¹ Вот и прикинь, как этот говнюк может тебе вделать.

Парк заметил новую девушку одновременно с остальными. Она стояла на передней площадке автобуса, возле первого свободного места, но какой-то парень хлопнулся на него раньше, поставил на соседнее сиденье сумку и отвернулся. Все, у кого не было соседей, передвинулись на кресла рядом с проходом. Парк услышал хихиканье Тины — она обожала такие штуки.

Новенькая глубоко вдохнула и двинулась вперед по проходу. На нее никто не смотрел. Парк тоже постарался не смотреть, но приближалась катастрофа, и девушка должна была стать жертвой.

Не просто новенькая. Большая и нескладная. С ярко-рыжими завитками растрепанных волос. И она была одета так... будто хотела, чтобы люди оборачивались ей вслед. А может, просто не понимала, какой лахудрой выглядит. В клетчатой мужской рубашке, с полудюжиной ожерелий на шее и банданами на запястьях. Она напоминала Парку чучело или одну из этих дурацких кукол, которых его мать держала на туалетном столике. Девчонка — из тех, кто не выживает в агрессивной среде.

¹ «Как ни крути — проиграешь» — комедийный боевик с Клинтом Иствудом, где товарищем главного героя является орангутанг — драчун и задира.

Автобус снова остановился и подобрал еще кучку ребят. Они протискивались мимо девушки, пихая и толкая ее, и плюхались на свои сиденья.

В том-то и штука, что у каждого в этом автобусе уже было собственное место. Они застолбили кресла в первый день школьных занятий. Людям вроде Парка повезло отхватить себе целую двушку, и теперь они не собирались от нее отказываться. Уж точно — не ради кого-то вроде этой девчонки.

Парк исподволь глянул на нее. Девушка все еще стояла.

— Эй, ты, — рявкнул водитель, — сядь!

Она двинулась к задней площадке автобуса — прямо в пасть зверя. «Боже, — подумал Парк, — стой. Вернись назад». Он чувствовал, как облизываются Стив и Майки. Парк снова попытался смотреть в другую сторону.

И тут девушка заметила свободное место — как раз по другую сторону прохода от Парка. На ее лице отразилось облегчение, и она поспешила к пустому сиденью.

— Эй! — резко сказала Тина.

Девушка не замедлила шага.

— Эй! — повторила Тина. — Ты, тупица!

Стив заржал. Через пару секунд к нему присоединились его дружки.

— Тебе нельзя сюда садиться, — заявила Тина, — это место Микаэлы.

Девушка остановилась, взглянула на Тину, а потом — снова на кресло.

— Сядь уже! — загремел водитель из кабины.

— Должна же я где-то сесть, — спокойно сказала девушка.

— Не мои проблемы, — фыркнула Тина.

Автобус накренился, и девушка качнулась назад, чтобы не упасть. Парк попытался увеличить громкость в плеере, но она и так уже стояла на максимуме. Он посмотрел на девушку. Та едва сдерживала слезы.

Еще не успев толком сообразить, что он делает, Парк сдвинулся к окну.

— Садись, — сказал он. Это прозвучало сердито. Девушка повернулась к нему, словно силясь понять, очередной ли это наезд — или что?

— Вот срань господня, — сказал Парк уже не так резко и кивнул на сиденье рядом, — просто сядь, и все.

Она послушалась. И ничего не сказала. Не сказала спасибо, слава те господи. И между ними двоими осталось еще шесть дюймов пустого пространства.

Парк отвернулся к окну. И принялся ждать, когда офигительная новость разнесется по всему автобусу.

ЭЛЕАНОРА

Элеанора прикинула планы на будущее. Первое: после школы можно пойти домой. Плюсы: сделать уроки, привести себя в порядок, заняться своими делами. Минусы: она до сих пор не знает свой новый адрес и понятия не имеет, куда идти.

Второе: можно позвонить матери и попросить подкинуть. Плюсы: до фига. Минусы: у мамы нет телефона. И машины тоже нет.

Третье: можно позвонить отцу. Ха!

Четвертое: можно позвонить бабушке. Просто чтобы сказать «привет».

Она сидела на бетонных ступеньках у входа в школу, созерцая ряд желтых автобусов. Ее автобус тоже стоял здесь. Номер 666.

Даже если сегодня не придется садиться в автобус... Даже если перед ней вдруг появится фея-крестная со своей каретой из тыквы... Завтра утром все равно предстоит как-то добираться до школы. И едва ли эти адские детишки на завтра станут добрее. Нет, правда: Элеанору не удивит, если в следующий раз они разинут свои хищные пасти. Взять хотя бы ту девку с задней площадки — блондинку в куртке цвета

«вырвиглаз». Приглядишься — и заметишь рога, спрятанные под пышной прической. А ее парень вполне мог бы быть одним из нефилимов¹.

Эта девчонка — да и все они — возненавидели Элеанору еще до ее появления. Можно подумать, в прошлой жизни их всех наняли, чтобы ее убить.

Элеанора не знала, куда отнести того паренька-азиата, который в конце концов предложил ей место. Один из них — или просто тупой идиот?.. Ну, нет, не совсем тупой — он был в одном из классов с «углубленным изучением».

Мать очень хотела, чтобы в новой школе Элеанора попала хотя бы в одну «углубленку». Она просто взбесилась, увидев оценки Элеаноры за последний — девятый — класс. «Для вас это неожиданность, мисс Дуглас?» — спросил социальный педагог.

Ха, подумала Элеанора, вы бы офигели, узнав, какая это неожиданная для нее неожиданность.

Да пофиг. Элеанора могла точно так же без проблем смотреть на облака, сидя в классе с углубленным изучением чего-нибудь. Тут тоже много окон.

Если ей вообще суждено однажды вернуться в эту школу.

Если ей вообще суждено когда-нибудь попасть домой...

В любом случае мать ничего не узнает об истории с автобусом. Вчера про автобус уже была речь, и мама сказала, что Элеаноре вовсе незачем на нем ехать. Вчера — когда помогала распаковывать вещи...

— Ричи тебя подбросит. Ему это по пути на работу.

¹ *Нефилимы* — в Библии: гиганты, исполины.

- Засунет меня в багажник своего фургона?
- Он пытается помириться, Элеанора. И ты обещаешь, что тоже попробуешь.
- Мне проще мириться на расстоянии.
- Я сказала ему, что ты готова вернуться в нашу семью.
- Ну, я член семьи. Формально, по крайней мере.
- Элеанора, пожалуйста...
- Да ничего страшного, я просто поеду на автобусе, — сказала Элеанора. А что ей оставалось?.. — Познакомлюсь с ребятами...

Ха, думала она теперь, три раза «ха»! Больше и прибавить нечего.

Ее автобус вскорости отправлялся. Несколько других уже вырुливали со стоянки. Кто-то сбежал по лестнице, едва не задев Элеанору, и споткнулся о ее сумку. Элеанора дернула сумку к себе и собралась уже извиниться — но это был тот самый дурацкий парень-азиат. Он скорчил мину, узнав ее. Элеанора нахмурилась в ответ, и азиат удрал.

Вот так-то, подумала Элеанора, нечего детям ада на меня облизываться. Я настороже.

ПАРК

На обратном пути они не обменялись ни словом.

Парк весь день размышлял, как бы полочее избавиться от новенькой. Нужно куда-то пересесть — это единственный вариант. Но куда? Он не хотел никому навязываться. Тем более если он пересядет, Стив, конечно же, это заметит.

Парк полагал, что Стив начнет прикалываться, едва заметив, что Парк усадил девушку рядом с собой. Но Стив продолжал обсуждать кунг-фу как ни в чем не бывало. Кстати сказать, Парк отлично разбирался в кунг-фу. И вовсе не потому, что его мать была из Кореи. Просто отец увлекался восточными единоборствами; Парк и его младший брат Джош занимались тхэквондо с тех пор, как научились ходить.

Пересесть... Но куда?

Можно сесть рядом с парнем-старшеклассником на передней площадке, но его ретираду заметит весь автобус. А вдобавок Парк чувствовал себя почти предателем, оставляя эту чудаковатую новенькую одну — на растерзание обитателям задних сидений.

И ненавидел себя за это.

Если б отец узнал о сомнениях Парка, он бы назвал его ссыклом. Вслух назвал бы. А бабушка — та

влепила бы ему подзатыльник. «Где твои манеры? — сказала бы она. — Разве можно так относиться к человеку только потому, что ему не повезло, как тебе?»

Впрочем, Парк не считал, что ему как-то особенно повезло. Уж точно везения не столько, чтобы поделиться с рыжей дурындой. Да, его не чморили. И да: поганое чувство, но он был рад, что на свете есть люди вроде этой девчонки. Потому что на свете есть и другие люди. Такие, как Стив, Майки и Тина. И им нужны жертвы. Если жертвой не станет рыжая, они найдут кого-то еще. Например, Парка...

Нынче утром Стив оставил его в покое, но это не значит, что так будет всегда.

...И снова Парк будто услышал бабушку: «Серьезно, малыш? Ты переживаешь из-за того, что сделал доброе дело и кто-то это заметил?..»

Не такое уж доброе, подумал Парк. Да, он позволил девчонке сесть. Но вызверился на нее. И когда они оказались вместе на уроке английского, Парк чувствовал себя так, словно новенькая преследует его...

— Элеанора... — сказал мистер Стезман. — Знаменитое имя... Королевское имя. Ты знаешь об этом?..

— И имя жирной бурундучихи¹, — прошептал кто-то за спиной Парка. Послышалось хихиканье.

Мистер Стезман указал на пустую парту в первом ряду.

— Мы сегодня читаем стихи, Элеанора, — сказал он. — Читаем Дикинсон². Может, ты хотела бы начать?

1 Речь идет о мультсериале «Элвин и бурундуки», где Элеанора — имя одного из бурундуков.

2 *Эмили Дикинсон* — американская поэтесса второй половины XIX века.

Он открыл ее книгу на нужной странице.

— Читай, — сказал он. — Громко и четко. Я скажу, где остановиться.

Новенькая посмотрела на мистера Стезмана, словно надеялась, что он шутит. Но поняв, что он вполне серьезен — мистер Стезман всегда был серьезен, — стала читать.

— «Я вечно в голоде жила...» — начала она. Кто-то прыснул.

Боже, подумал Парк, только мистер Стезман мог заставить пухленькую девушку читать стихотворение о еде — в первый день ее появления в классе.

— Продолжай, Элеанора, — подбодрил мистер Стезман.

А она начала заново. Чего, подумал Парк, делать не стоило.

На этот раз Элеанора читала громко:

Я вечно в голоде жила
И вот дождалась ужина.
Дрожа, уселась у стола
И выпила вина.
Так было на столах, когда,
Голодная, одна
Смотрела в окна богачей
И так была бедна...¹

Мистер Стезман не останавливал ее. Так что она прочитала все стихотворение — ровным, холодным голосом. Точно так же она разговаривала с Тиной в автобусе.

— Это было чудесно! — сказал мистер Стезман, когда она закончила. Он сиял. — Просто великолепно!

¹ Начало стихотворения Эмили Дикинсон «Голод», цит. в перев. В. Савина.

Я надеюсь, ты останешься с нами, Элеанора. Хотя бы до тех пор, когда мы займемся «Медеей». Именно такой голос и нужен, когда она прилетает на колеснице, запряженной драконами.

Когда новенькая появилась на уроке истории, мистер Сандерхоф не стал выделяться. Но, увидев ее имя на листке с письменной работой, все же сказал:

— О! Королева Элеанора Аквитанская!

Она сидела в нескольких рядах перед Парком. И, насколько он мог судить, провела все занятие, созерцая пейзаж за окном.

Парк так и не сумел придумать, как сбежать от нее в автобусе. Или — как сбежать от себя. Так что просто воткнул в уши наушники и выкрутил полную громкость еще до того, как девушка села на соседнее кресло.

Слава богу, она не пыталась заговорить с ним.

ЭЛЕАНОРА

Элеанора вернулась домой до того, как пришли младшие, — и отлично! Ей не хотелось их видеть. Прошлым вечером встреча обернулась полным идиотизмом.

Она столько представляла, каково это будет — наконец вернуться домой. Она так сильно скучала по ним всем — и думала, что ее возвращение станет праздником с конфетти и фейерверками. Грандиозной вечеринкой.

Но когда Элеанора вошла в дом, братья и сестра будто бы не узнали ее. Бен едва взглянул на нее, а Мэйси — та вообще сидела на коленях у Ричи. От этого зрелища Элеанора взорвалась бы, не обещай она матери, что будет вести себя идеально до конца своих дней.

Только Маус подбежал поздороваться с Элеанорой. Она с радостью взяла его на руки. Ему уже исполнилось пять лет, и он прилично весил.

— Привет, Маус, — сказала Элеанора. Его называли так с тех пор, когда он был совсем крошкой, — и она уже не помнила почему¹. Ей он всегда больше напоминал большого взъерошенного щенка — веч-

¹ *Маус* (mouse) — мышь, мышонок.

но восторженного, вечно норовящего вскочить к тебе на коленки.

— Смотри, пап, это Элеанора, — сказал Маус, спрыгивая на пол. — Ты ее знаешь?

Ричи сделал вид, что не слышит. Мэйси смотрела на нее и сосала палец. Элеанора уже много лет не видела, чтобы Мэйси так себя вела. Теперь ей было восемь, но с пальцем во рту она выглядела как несмышленный младенец.

Мелкий не помнил Элеанору вовсе. Сейчас ему, должно быть, два года. Он сидел на полу рядом с Беном. Бену сравнялось одиннадцать. Он уперся взглядом в стену за телевизором.

Мать взяла спортивную сумку с пожитками Элеаноры и понесла ее из гостиной в спальню. Элеанора отправилась туда же. Спальня оказалась крошечной — там едва помещался шкаф и двухъярусная кровать.

Маус вбежал в комнату следом за ними.

— Твоя постель верхняя, — сообщил он, — а Бен будет спать со мной на полу. Мама уже предупредила его, и Бен плакал.

— Не бери в голову, — мягко сказала мать. — Придется потесниться, но ничего страшного.

Эта комната была слишком мала, чтобы тесниться еще больше, но Элеанора ничего не сказала, а просто побыстрее отправилась в постель. Что угодно, лишь бы не возвращаться в гостиную.

Проснувшись среди ночи, она увидела, что все трое братьев спят на полу. Нельзя было слезть с кровати, не наступив на кого-нибудь. И она понятия не имела, где тут ванная.

Впрочем, ванную она нашла. В доме было всего пять отдельных помещений, так что ванную удалось

вычислить без труда. Она примыкала к кухне. Примыкала в буквальном смысле: двери между ними не было. Похоже, дом проектировали пещерные тролли. Кто-то — видимо, мама — повесил цветастую простыню между холодильником и туалетом...

Вернувшись из школы, Элеанора открыла дверь своим новым ключом. При свете дня дом выглядел еще более убогим — замызганный и обшарпанный. И все же это ее дом. И мама теперь была рядом...

Так странно — вернуться домой и увидеть маму, стоящую у плиты... вот просто стоящую у плиты, как что-то само собой разумеющееся. Она готовила суп и резала лук. Элеаноре захотелось плакать.

— Как дела в школе? — спросила мама.

— Отлично.

— Хорошо прошел первый день?

— Ну да. То есть да. Школа как школа.

— Много придется навестывать?

— Да нет, вряд ли.

Мать вытерла руки о джинсы. Заложила за уши непослушные пряди волос. А Элеанора — в соты-сячный раз — изумилась тому, какая она красивая.

Когда Элеанора была ребенком, она считала, что мама похожа на королеву или принцессу из сказки. Но принцессы — они просто хорошенькие, а ее мать была по-настоящему красива. Высокая. Статная. С широкими плечами и тонкой талией. Ничего чрезмерного или лишнего в ее теле — только необходимое. Резко очерченный нос, острый подбородок, высокие, чуть тяжеловатые скулы. Такое лицо могло быть вырезано у носовой фигуры драккара викингов, например. Или нарисовано на крыле самолета...

Элеанора во многом походила на мать, но не вполне.

Так выглядела бы мама через стекло аквариума. Более округлой, рыхлой и расплывшейся. То, что в матери назвали бы величественной статью, у Элеаноры превращалось в тяжеловесность. Если мама была великолепной картиной, то Элеанора — ее жалкой смазанной копией.

Родив пятерых детей, мать имела бюст и бедра как у женщин с плакатов сигаретной рекламы. Элеанора же в свои шестнадцать была сложена как хозяйюшка из средневековой харчевни.

У нее было слишком много тела и недостаточно высокий рост, чтобы это скрыть. Грудь начиналась сразу под подбородком, бедра... ну, это просто смешно. А ее ярко-рыжие кудри были жалкой пародией на длинные, волнистые, золотисто-каштановые волосы матери.

Элеанора машинально коснулась своих волос...

— Я собиралась показать тебе кое-что, — сказала мама, закрывая кастрюлю с супом, — но не хотела, чтобы увидели малыши. Пойдем.

Элеанора пошла за ней в комнату детей. Мама открыла шкаф, достала стопку полотенец и корзину для грязного белья, доверху полную носков.

— Я не смогла привезти все твои вещи, когда мы переехали, — сказала она. — Здесь просто нет столько места, как в старом доме. — Она залезла в шкаф и вытащила черную багажную сумку. — Но я собрала, что смогла.

...И протянула сумку Элеаноре.

— Прости за то, что не влезло.

Элеанора была уверена, что Ричи выкинул все ее вещи в помойку еще год назад — через десять секунд

после того, как вышвырнул ее из дома... Она взяла сумку.

— О, — сказала Элеанора, — спасибо.

Мать протянула руку и тронула ее за плечо. Это длилось один миг.

— Дети вернутся минут через двадцать, — сказала она. — Мы обедаем в половине пятого. К приходу Ричи все должно быть готово.

Элеанора кивнула. Она открыла сумку, едва лишь мать вышла из комнаты. Неужели есть нечто, что до сих пор принадлежит только ей?..

Сверху лежали бумажные куклы. Изрядно помятые, все в жирных пятнах от крошек. Элеанора не играла с ними уже много лет, но все же обрадовалась, увидев их здесь. Она разгладила кукол и сложила в стопку.

Под куклами оказались книги — дюжина или около того. Мама, похоже, сгребла то, что попало ей под руку. Она не знала любимых книг Элеаноры. Хорошо, что мама взяла «Гарпа» и «Обитателей холмов». «История Оливера» попала в сумку, а «История любви» — увы, нет. Здесь оказались «Маленькие мужчины», а «Маленьких женщин» и «Ребят Джо»¹ не было.

¹ «Гарп» («Мир глазами Гарпа») — семейная сага и жесткий роман Джона Ирвинга о жестокой стороне современной жизни, ставший американским бестселлером; «Обитатели холмов» — приключенческий роман-сказка британского писателя Ричарда Адамса; «История любви» и ее продолжение «История Оливера» — романы Эрика Сигала; «Маленькие женщины» (о жизни четырех сестер-подростков в Америке эпохи Гражданской войны), «Маленькие мужчины» и «Ребята Джо» — трилогия Луизы Олкотт.